

Локальная письменность
XVI—XVII вв.
и историческая диалектология

Решение проблемы образования национального русского языка во всем ее объеме требует не только тщательного изучения путей развития языка в его литературной форме, но и реконструкции основных русских диалектов как XIV—XVI вв., так и особенно XVII—XVIII столетий, т. е. того периода, когда в связи с образованием русской нации начинается систематическое взаимодействие диалектной речи и нормированного (точнее — нормализующегося) языка. Только на этой основе возможно решение вопроса о роли народно-разговорной речи в формировании русского литературного языка, о вкладе того или иного диалекта в систему литературного языка. Именно поэтому в последние годы все настойчивее подчеркивается необходимость развития исторической диалектологии как науки об истории живой русской речи¹.

Историческая диалектология не может ограничиваться сравнительным изучением современных говоров: необходимо выяснение конкретных условий и времени появления тех или иных языковых черт в исследуемых диалектах, а компаративистика в этих случаях исчерпывающего ответа дать не может. Вот почему в последнее время

¹ См., например: Б. А. Л а р и н. Разговорный язык Московской Руси. «Начальный этап формирования русского национального языка». Л., 1961, стр. 28; Ф. П. Ф и л и н. К вопросу о так называемой диалектной основе русского национального языка. «Вопросы образования восточнославянских национальных языков». М., 1962, стр. 28; Г. А. Х а б у р г а е в. Несколько замечаний относительно формирования национального русского литературного языка. «Уч. зап. МОПИ», 1963, т. 138, вып. 8, стр. 41—42.

наметилась тенденция к использованию письменных источников для реконструкции диалектных образований. Появилось немало исследований (главным образом кандидатских диссертаций), в которых с большим или меньшим успехом предпринимаются попытки воссоздать особенности русских диалектов различных периодов, вплоть до XVIII в., или проследить историю тех или иных особенностей в отдельных говорах. Результаты такого рода исследований настолько заметны, что появились даже обобщающие работы по истории основных великорусских наречий².

Привлечение письменных памятников к историко-диалектологическим исследованиям связано с решением ряда вопросов общеисторического и методического характера, которые часто не учитываются. Это иногда приводит, с одной стороны, к переоценке возможностей реконструкции древних диалектных черт по письменным источникам, а с другой — к скептическому отношению отдельных историков языка к результатам такой реконструкции³. Между тем, одни письменные памятники, действительно, дают очень немного для реконструкции местных языковых черт, другие, напротив, содержат богатейшую информацию о диалектных особенностях той территории, в пределах которой они созданы. Однако, прежде чем эта информация может быть извлечена, исследователь должен учесть обстоятельства и условия сложения тех или иных типов местных письменных памятников.

Очень важным является вопрос об отборе памятников для историко-диалектологических исследований.

В отдельных случаях известный материал могут дать памятники церковно-книжного характера, по своей языковой основе безусловно церковнославянские⁴.

² См.: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (фонетика и морфология). М., 1963; К. В. Горшкова. Очерки исторической диалектологии северной Руси (по данным исторической фонологии) (автореф. докт. дисс.). М., 1965.

³ См., например: П. Я. Черных. О начале и характере формирования русского национального языка. — ИДВШ, Филологические науки, 1958, 3, стр. 140—141.

⁴ Именно на таком материале основаны, например, исследования: Н. М. Каринский. Паремейник 1271 года как источник для истории псковского письма и языка. — Сб. ОРЯС, т. 101, № 3, Л., 1928, стр. 233—237; П. С. Кузнецов. К исторической

Но в целом их информационная способность в интересующем нас плане очень незначительна, так как памятники эти переписывались профессионалами с более ранних церковнославянских рукописей и отражают стремление писцов возможно точнее следовать тексту, следовательно, и орфографии оригинала⁵. «Ошибки», отражающие говор переписчиков, в них не часты и, за редкими исключениями, содержат информацию лишь о звуковых особенностях. Кроме того, отсутствуют сведения о диалектной принадлежности переписчиков церковных книг, что очень важно, так как они не обязательно были носителями говоров, в зоне распространения которых работали. Не случайно историки русского языка обращаются к памятникам подобного рода либо с целью их локализации (при опоре на те или иные известные особенности говоров), либо в поисках диалектных черт тех периодов, от которых памятники других жанров не сохранились.

Более надежным материалом для исторической диалектологии считаются памятники деловой письменности, которые в последние годы привлекают внимание историков языка. Однако памятники этой группы неоднородны и неодинаковы по своей лингвистической ценности.

Прежде всего следует выделить различного рода книги (писцовые, дозорные, отказные, приходо-расходные и др.). Для историка языка эти книги представляют определенный интерес, хотя они и ограничены по содержанию и стандартны по построению, чем обуслов-

фонетике ростово-суздальских говоров. «Доклады и сообщения ИРЯ АН СССР», 1948, вып. 1—2, стр. 130—158; О. А. Князевская. К исторической фонетике русского языка в Московской Руси (о языке Московского евангелия 1358 г.) (автореф. канд. дисс.). М., 1952; Л. П. Жуковская. Из истории языка северо-восточной Руси середины XIV века (палеографическое и лингвистическое исследование рукописи Государственного Исторического музея Патр. 68) (автореф. канд. дисс.). М., 1953.

⁵ В исследованиях и пособиях по истории русского языка не раз обращалось внимание на то, что, например, «Рязанская кормчая» 1284 г. по существу не отражает диалектных черт, свойственных той территории, где она предположительно была создана, и, вероятно, уже существовавших к концу XIII в. (см., например: В. И. Бороковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, стр. 96); между тем встречающаяся в ней форма род. падежа *поутѣ* (л. 129 и 219 об.) заставляет думать, что переписчик кормчей все-таки представлял говор будущего южновеликорусского наречия.

лены известная устойчивость и некоторое однообразие встречающихся в них грамматических форм. К этому можно добавить, что отдельные категории книг составлялись на местах писцами, присланными из Москвы⁶. Например, в Курске писцовые и дозорные книги в 1620—1621 гг. составляли «дозорщик» Поместного приказа К. Опухтин и подьячий Ф. Кунаков⁷, а перепись земельных наделов и крестьян в 1628—1630 гг. проводили «дозорщик» Б. Г. Унковский и подьячий И. Коровин⁸. Официальный документ на владение оформлялся «на Москвѣ в Помѣсномъ приказе или в Курску какъ будут твои гсдрвы писцы и болшие мѣршики»⁹, т. е. когда в уезд прибывали для «письма и дозору» московские писцы¹⁰.

Книги, которые велись местными писцами, например приходно-расходные, несомненно более ценны для историка языка. Однако и их информационная способность несколько ограничена однотипностью записей, которые обыкновенно производились по твердо установленной форме. Впрочем, лексический материал в книгах этой группы достаточно богат.

Более разнообразную информацию о местных языковых чертах содержат так называемые с т о л б ц ы. Это очень разные по содержанию и назначению документы. Они писались на полосах бумаги (обычно размером в поло-

⁶ Ср.: С. И. Котков. Вопросы истории русского языка в свете некоторых данных южновеликорусских памятников. «Вопросы образования восточнославянских национальных языков». М., 1962, стр. 39.

⁷ ЦГАДА, Разрядный приказ (в дальнейшем во избежание повторения эти данные при цитировании опускаются), Белгородский стол (далее: *Бел.*), стб. 16, л. 695; ср. там же, стб. 9, л. 391а, 420 и др. До этого аналогичную работу в Курске выполняли московские «дозорщики» И. Вольевский и С. Языков (Там же, стб. 16, л. 429; ср. там же, стб. 9, л. 450).

⁸ Приказный стол (далее: *Прик.*), стб. 113, л. 278.

⁹ *Бел.*, стб. 4, л. 144.

¹⁰ Служащий московского приказа не обязательно был москвичом. Например, автор «Книги Большому чертежу» — курянин по происхождению — А. И. Мезенцев, в течение многих лет служивший подьячим Разрядного приказа, в разное время занимался составлением отказных книг в Орле и в Белгороде (*Бел.*, стб. 16, л. 424). См. о нем: Г. А. Хабургаев. Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия. (Введение. Вокализм). «Уч. зап. МОПИ», 1966, т. 163, вып. 12, стр. 309—310, прим. 51.

вину или треть листа ¹¹⁾ и подклеивались один к другому, образуя иногда довольно длинный «столбец», когда-то свертывавшийся в свиток. Эти документы (как, впрочем, и книги) ценны тем, что содержат указание на дату написания. Разные виды документов, объединяемые в столбцы, обладают, не одинаковой лингвистической ценностью. Так, наказные памяти московских приказов, выписи из межевых книг, составленных московскими подьячими, и некоторые другие деловые тексты могут дать историку языка материал лишь по лексике говоров (в первую очередь по микропонимии). Более разнообразен материал росписей и доездных памятей.

Р о с п и с и, т. е. описи имущества (таможен, кабаков, винокурен и под., а также городских укреплений, торгов и т. д.), составлявшиеся обычно при передаче города или учреждения новому должностному лицу, по содержанию и лингвистической ценности аналогичны приходо-расходным книгам. И все же они могут привлекаться к историко-диалектологическому исследованию лишь при условии хорошего знакомства с местными писцами, так как эти документы не подписывались, а новое должностное лицо, принимавшее дела и имущество, могло воспользоваться услугами не обязательно местного писца.

Несколько иначе обстоит дело с такими документами, как д о е з д н ы е п а м я т и, которые составлялись при выездах на места для обследования границ между поместьями, проверки доносов и т. п. Писали их местные дьячки, но всегда в строгом соответствии с наказом, исходившим как от местных властей, так и из центра, причем изложение наказа составляет заметную часть их содержания. Естественно, в этих условиях писец находился в зависимости от наказа, от его орфографии, а это ограничивало возможности отражения речевых особенностей составителя «памяти».

Значительно надежнее материал таких приказных документов, как п о р у ч н ы е з а п и с и (поручительства), к у ш ч и е, в к л а д н ы е (или «данные») и прочие грамоты, о б ы с к н ы е р е ч и (протоколы следствий на местах), в ы б о р ы (протоколы выборов должностных

¹¹ См.: И. Ф. Колесников. Столбцы. «Архивное дело», 1939, 2 (50), стр. 28.

лиц). Эти документы объединяет то, что они подписывались и датировались¹². И хотя они составлялись по строго установленной форме, общей для всего государства, или в соответствии с наказными памятями, содержание которых скрупулезно в них излагалось, ими можно достаточно уверенно пользоваться для изучения местных диалектных черт, по крайней мере в области фонетики. Морфологический и лексический материал указанных актов несколько ограничен в силу их стереотипности. Рассматриваемые грамоты содержат на обороте подписи свидетелей — «послухов» или участников выборов или следствия¹³ и, таким образом, знакомят с местными грамотными людьми, позволяют изучить их почерки, особенности орфографии, что очень важно для использования в историко-диалектологических целях неподписанных текстов.

Особое место занимают такие виды деловой письменности, как челобитные (жалобы, прошения, ходатайства)¹⁴ и воеводские отписки (отчеты и донесения воевод), а также ссыльные памяти и ссыльные, или расспросные, речи — материалы местного судопроизводства. Эти рукописи чрез-

¹² Например: А поручною писал Васька Истомина лѣта 7151 году апрѣля въ 22 де (Бел., стб. 157, л. 85); А даную писал вологодцком площадном подячеи Ивашко Павловъ съзъ Аникиевъ лѣта 7152 июля в 1 де (ЦГАДА, Грамоты Коллегии экономии, № 198/2769); Лѣта 7135 году мая в 10 де по... грамоте ис Помѣсно(го) приказу и по наказнаи памяти в(оево)ды... курския казаки... скоз(али) в обыску... А рѣчи писал курскаи казачеи дячок Филка Горасим(ов) (Бел., стб. 16, л. 425—426); Лѣта 7137 году генвоя въ 5 де... всякие курские служилые и уѣздные люди выбрали есми мы... А выбар писал Васка Оносовъ (Там же, стб. 28, л. 241—242).

¹³ Подписи того времени — это несомненное свидетельство грамотности, а не просто умения написать свое имя. Ср., например: К сем обыскным рѣчем Дмитрей Кунаков в Са(вель)ева мѣста Горяинова да в Сидорова мѣста Каменева да в Петрова мѣста Ч(ап)лыгина по их челобитю руку приложил (Бел., стб. 16, л. 418 об.), или: Семен Виденевъ ручал в стати и руку приложил (Там же, л. 687 об.).

¹⁴ Многие челобитные по лингвистической содержательности не уступают материалам частной переписки, значение которых для исторической диалектологии разъяснено С. И. Котковым (см. вводную статью «Материалы частной переписки как лингвистический источник» в кн.: С. И. Котков, Н. П. Панкратова. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII—начала XVIII века. М., 1964).

вычайно разнообразны по содержанию и касаются всех аспектов жизни представителей разных социальных групп, деятельности местных учреждений и частных лиц, затрагивают многие стороны быта. Все это обуславливает наличие в этих текстах широкого круга лексики и богатого набора форм и конструкций. В то же время не надо забывать, что и расспросные речи, и отписки, и ссылочные памяти составлялись в воеводских канцеляриях, в которых могли служить не только местные уроженцы, но также и москвичи или выходцы из других городов.

Что касается челобитных, обычно писавшихся на имя царя, то они попадали в московские приказы либо через воевод, которым челобитные подавались на местах, либо непосредственно от челобитчиков; причем челобитчик мог приехать в Москву с готовой жалобой, но мог составить ее и после прибытия в столицу¹⁵. Впрочем, одна разновидность челобитных в этом отношении никогда не вызывает сомнений; это жалобы или ходатайства, которые писались «от всего города» (и даже уезда): они тоже не подписывались лицом, писавшим их, но составлялись на месте, и на обороте таких челобитных обычны, иногда очень многочисленные, подписи жителей города и уезда.

Указанные обстоятельства требуют достаточно широкого знакомства с составом местных писцов-профессионалов и грамотной частью местного населения, прежде чем с большей или меньшей уверенностью использовать неподписанные тексты для реконструкции местного диалекта.

В XVI—XVII вв. во главе местного управления в Московской Руси стояли воеводы. Воеводские канцелярии, или съезжие избы, имели определенный штат подьячих, число которых, как свидетельствуют документы того времени, не было постоянным в разные годы даже в одной и той же съезжей избе, тем более — в разных городах: оно зависело от значения

¹⁵ В последнем случае в конце челобитной нередко употреблялось уточнение: Вели гдрь мнѣ в Курескъ по того Гарасима да по Сялку. . . дат свою гдрву грамоту и вели гдрь их поставит здесь на Москвѣ со мною с очеи на очи (Бел., стб. 4, л. 208); при этом отсутствие уточнения *здесь* не обязательно означает, что документ составлен на месте, а не в Москве.

города и от количества дел. Подьячие одной и той же избы получали разное жалованье и пользовались разными правами ¹⁶.

О неустойчивости и неоднородности состава подьячих можно судить по съезжей избе 20—40-х гг. XVII в. в Курске. Вначале, «как город Курск стал», было «в Курску в съѣзжей избѣ у твоево гсдрва дѣла подьячих с твоим гсдрвым денежным и хлѣбным жалованьем по пяти и по шти члвкѣ да по два члвкѣ нарядчиков многие лѣта» (всего 7—8 человек). Затем они были заменены «земскими дьячками» «с сошною подмогою» ¹⁷; но вскоре, по просьбе горожан, разоренных татарскими набегами, вновь был восстановлен прежний штат подьячих «с государевым жалованьем», с 1635 г. в курской съезжей избе было четверо подьячих ¹⁸, видимо, не считая «нарядчиков», т. е. подьячих, ведавших делами, связанными с военной службой (всего 5 или 6 человек).

Служащие воеводских канцелярий могли быть людьми местными и приезжими. А так как исследуемые тексты не всегда содержат точные сведения о происхождении подьячего, приходится привлекать косвенные указания на этот счет, в частности учитывать обстоятельства появления подьячего в съезжей избе.

Подьячие могли быть выборными (как «с сошною подмогою», так и «с государевым жалованьем») и назначенными воеводой или московским приказом. Назначение обычно производилось по просьбе заинтересованных лиц ¹⁹. Такими лицами могли быть как местные уроженцы ²⁰, так и москвичи или выходцы из других горо-

¹⁶ Ср., например: Б. И. Черин. Областные учреждения в России в XVII веке. М., 1856, стр. 100—102 и др.

¹⁷ Дьячки с сошною подмогою — подьячие, совсем не получавшие или получавшие крайне незначительное жалованье и в основном «кормившиеся» за счет регулярных сборов с населения, размеры которых обычно определялись предварительным соглашением.

¹⁸ Московский стол (далее: Моск.), стб. 127, л. 362—363.

¹⁹ См.: Б. И. Черин. Указ. соч., стр. 102—103.

²⁰ См., например, просьбу «курченина безместного подьячипки» М. Семенова: «Вели гсдрь мнѣ быть в Курску в съѣзжей избе на то места Омельяна Фотьянова», поскольку «во 142-м году приходили гсдрь пот Курскъ литовския люди и тово Амельяна Фотьянова убили» (Моск., стб. 109, л. 365); ср. замечание в резолюции Разрядного приказа: «Бил нам челом из Курска дьячокъ Митрофанко Семенов...» (Там же, л. 366).

дов²¹. Выборными подьячими были только местные уроженцы.

В Московской Руси XVI—XVII вв. подьячими могли быть выходцы из самых различных сословий: дети боярские²², стрельцы, казаки²³, пушкарки²⁴, подьяческие дети²⁵, выходцы из духовенства, а до указа от 7 декабря 1640 г. ряды подьячих «беспрерывно пополнялись... посадскими и крестьянами, торговыми и пашенными людьми»²⁶, что, между прочим, свидетельствует о том, что грамотность тогда не была привилегией отдельных сословий.

Подьяческой должностью на периферии не брезговали и выходцы из достаточно знатных московских семейств; но для родовитых приказная служба в провинциальном городе была лишь своеобразным «мостиком» к более высокой должности или средством «покормиться», нажить состояние²⁷. Подолгу задерживались в провинциальных канцеляриях лишь люди местные.

В целом иногородцы составляли небольшой процент служащих местных канцелярий. Особенно это касается уездных центров юга Московского государства XVI—XVII вв. Например, на протяжении четверти века (с 1620 по 1645 г.) в курской съезжей избе в разное время

²¹ Например, в курскую съезжую избу в 1631 г. был назначен по собственной просьбе подьячим «москвитин торгового члена Иван Ляпин», хотя вакансии в то время в Курске не было (Севский стол (далее: *Сев.*), стб. 94, л. 105).

²² Например, детьми боярскими были подьячие курской съезжей избы Н. А. Авдеев, Н. М. Гутенев.

²³ Казаком по происхождению был Е. И. Фотьянов (Прик., стб. 11, л. 352), который в 1629 г. был выбран таможенным дьячком (Бел., стб. 28, л. 241), а затем служил в съезжей избе (Моск., стб. 109, л. 365).

²⁴ Пушкарским сыном был Д. Г. Погонин (Прик., стб. 37, л. 744—746 об.), известный как площадной подьячий (Бел., стб. 157, л. 95, 97 и др.).

²⁵ Например, в Курске в 1632 г. молодым подьячим в съезжую избу был назначен Г. П. Истомин (Сев., стб. 94, л. 270) — сын подьячего той же избы П. Г. Истомина (Там же, л. 105). Н. М. Гутенев был выбран подьячим съезжей избы после смерти своего отца — подьячего М. И. Гутенева (Бел., стб. 103, л. 231).

²⁶ Н. П. Павлов-Сильванский. Государевы служилые люди. Изд. 2. СПб., 1909, стр. 159.

²⁷ Там же, стр. 159; С. К. Богоявленский. Приказные дьяки XVII века. «Исторические записки», т. I. М., 1937, стр. 234.

подвизалось 17 подьячих и нарядчиков; из них один был москвичом (И. Ляпин), о происхождении троих нет достоверных сведений, остальные (76,5%) были, бесспорно, курянами²⁸. Иными словами, большая часть текстов, вышедших из съезжей избы, принадлежит перу местных уроженцев.

Кроме съезжих изб, в городах XVI—XVII вв. существовали губные, таможенные и кабацкие избы. Сидевшие в них старосты и головы, так же как и руководители различных разрядов служилых людей, имели для ведения дел специальных служащих; имели своих писмоводителей и монастыри.

Служащие низших приказных учреждений обычно именуется дьячками; см.: губново старосту Якова Толмачева да губных дьячков Наумка Кабатова да Ермолка Брагина. . . допрашивал (Бел., стб. 9, л. 605), губной дьячокъ Наум Кобатов (Прик., стб. 36, л. 49), стрелецкой голова Иван Бунин. . . зъ дьячком своим з Гораском Жулиным (Прик., стб. 37, л. 751), курскаи стрелецкаи дьячокъ Томилка Кобанавъ (Бел., стб. 16, л. 424), курскаи казачеи дьячокъ Филка Горасим(ов) (Бел., стб. 16, л. 426), курских стрелцов и козаков пети-сотцкаи дьячек Лунка Самсонов (Бел., стб. 157, л. 199), ямской дьячокъ Якушко Кавыршын (Прик., стб. 37, л. 774), таможеннои и кобацкою дьячокъ Данилка (Прик., стб. 74, л. 200 об.); так же именуется и служащие церквей и монастырей, занятые писмоводством: Воскресенской дьячокъ Илюшка Романов (Прик., стб. 33, л. 417), Пятницкого дьячка Богдашка (Прик., стб. 37, л. 762), мнстрьской дьячокъ Сенка Потапов (Бел., стб. 16, л. 431).

Дьячки низших учреждений являлись местными уроженцами. По существу это были рядовые писари, как правило менее опытные, чем служащие воеводской канцелярии. Когда в Курске в 1645 г. стрелецкому и казачьему дьячку Л. Самсонову удалось получить должность в съезжей избе, воевода спустя некоторое время доносил в Разрядный приказ: «И ево гсдръ Лумки Самсонова никакое твое гсдрва дѣло не стало и никакие твои гсдрвы

²⁸ Несомненно, правильно утверждение, что «в южновеликоруской области писцы-профессионалы были в подавляющем большинстве из местного населения». См.: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие. . . , стр. 24.

дела ему Лунки не за обычей а в Курске гсдрь твоего гсдрва писма много и я холоп твои ево Лунку от твоего гсдрва дѣла отставил а велѣл быти у твоего гсдрва дѣла в Курске в съѣзжей избѣ в подьячих Миките Овдѣву попрежнему потому что ево Микиты с твое гсдрва дѣла стала и всякия дѣла ему за обычей»²⁹. Закреплялись в съезжей избе лишь наиболее искусные дьячки (см., например, о Е. И. Фотьянове в прим. 23).

С середины XVI в. в городах Московской Руси появляется институт писцов-профессионалов, получивших название *площадных подьячих*, относительно деятельности которых Н. П. Павлов-Сильванский заметил, что они «исполняли обязанности современных нотариусов и присяжных поверенных»³⁰.

Площадные подьячие были как правило людьми местными; их имена обычно встречаются в местных документах на протяжении десятков лет. Так, с именем курского площадного подьячего В. И. Аносова связан ряд документов 1622—1644 гг.; К. Г. Брянцев оставил документы, относящиеся к 1626—1644 гг.; в документах 1631—1644 гг. встречаются имена курских площадных дьячков П. А. Истомина и И. Г. Протопопова; имя И. М. Кречетова упоминается в ряде курских текстов 1622—1643 гг.

«Письмо на площади» нередко становилось фамильной профессией. Например, среди курских площадных подьячих известны отец и сын Аносовы — Василий Иванович и Аксен Васильевич, отец и сын Протопоповы — Иван Гурьевич и Василий Иванович; в одном из документов упоминается Юрий Кречетов — сын И. М. Кречетова и т. д.

Перу площадных подьячих принадлежат поручные записи, акты, касающиеся выборов должностных лиц, записи свидетельских показаний, а также челобитные; площадные подьячие (или площадные дьячки) фигурируют в качестве послухов при составлении различных деловых бумаг и прикладывают руку за неграмотных.

²⁹ Бел., стб. 212, л. 145. — Знакомство с письмом Л. Самсонова (см.: Г. А. Хабургаев. Заметки по исторической фонетике . . ., стр. 287 и стр. 312, прим. 68) позволяет думать, что объяснение воеводы не лишено оснований.

³⁰ Н. П. Павлов-Сильванский. Указ. соч., стр. 162; ср.: Н. С. Чаев и Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1946, стр. 90.

Приказными служащими и площадными подьячими далеко не исчерпывается круг грамотных лиц в русских городах XVI—XVII вв., на что уже обращалось внимание в литературе³¹. Речь идет не только о представителях духовенства, и прежде всего «белых» священниках, которые «были поголовно грамотны»³², но также и о мирянах.

Прямые или косвенные свидетельства о грамотности представителей различных разрядов служилых, посадских и уездных людей в деловой письменности встречаются постоянно. Круг местных жителей, владевших грамотой, устанавливается, по крайней мере, в трех случаях: 1) когда грамотей подписывается за себя или вместо кого-то; 2) когда о грамотности тех или иных лиц прямо сообщается: «А тѣ гдрь оклатчики Нестер (Мезъндовъ) Василии Согалаев грамоте умѣют»³³; 3) когда то или иное лицо пребывало в должности, требовавшей умения читать и писать (должности губного старосты³⁴, а также, видимо, житничного, таможенного и кабацкого головы³⁵); все эти должности были в ы б о р н ы м и.

Грамотность в кругу светских лиц нередко была семейным достоянием³⁶. Например, в Курске грамотными были дети боярские братья Иван, Воин, Михаил и Прокофий Антиповичи Анненковы, братья Семен и Кузьма Богдановичи Виденьевы, Семен и Севостьян Кормановы, Афанасий и Нестер Мезенцевы и их сыновья

³¹ См., например: С. И. Котков. Вопросы истории русского языка. . . , стр. 41.

³² А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. Изд. 2. СПб., 1908, стр. 6. — Впрочем, некоторые попы не умели писать; в подписях за таких попов обязательно отмечается: «он поп самъ писать не умеет» (см.: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие. . . , стр. 26), — факт, о котором никогда не сообщается в подписях за мирян. Следовательно, неумение писать для попов было необычным явлением; в то же время поп, не умеющий писать, как правило мог читать (см. там же).

³³ Бел., стб. 16, л. 364; речь идет о курских помещиках, детях боярских (Прик., стб. 37, л. 788; Бел., стб. 55, л. 31).

³⁴ На это прямо указывают соответствующие царские указы (см.: Б. И. Чернин. Указ. соч., стр. 456).

³⁵ За первую половину XVII в., если говорить о Курске, мне не известно ни одного житничного, а также таможенного и кабацкого головы, который не был бы грамотным.

³⁶ См.: «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век». М., 1955, стр. 557.

Григорий Афанасьевич и Павел Нестерович, стрельцы Андрей и Сидор Ивановичи и Андрей Сидорович Кра- сильниковы и т. д.

Косвенные свидетельства о грамотности (пробывание в соответствующей должности или родственные отношения) важно учитывать потому, что документы «неподписанные» (например, челобитные), составленные от имени лица, почерк которого неизвестен, но которое являлось, скажем, житничным головой, губным старостой и т. д. или принадлежало к грамотной семье, могли быть написаны этим лицом. Сама же возможность составления разного рода документов не писцами-профессионалами, а самими заинтересованными лицами, если они были грамотны, сомнений не вызывает. Так, сличение почерков убеждает, что челобитная мелкопоместного сына боярского Л. Т. Филатова написана им самим³⁷; находившийся в стесненных обстоятельствах сын боярский Ф. Д. Позняков³⁸, когда ему понадобилось поручительство, не стал обращаться к услугам профессионала, а составил поручную запись сам и, поскольку этот вид документов требовал указания на составителя (см. выше), приписал в конце: «А запись писал я Федка своею рукою»³⁹.

Сведения о составе грамотных лиц необходимы потому, что без этого невозможно правильно оценить информационную способность используемых документов для исторической диалектологии, если учитывать неодинаковое отношение разных писцов к орфографическим традициям.

Каждый из видов приказной документации, как отмечалось, характеризовался своим специфическим содержанием и стандартностью построения. Это, в свою очередь, обуславливало закрепление в них определенных форм и оборотов, свойственных каждому виду документов независимо от того, в какой области Московского государства он был написан.

³⁷ Прик., стб. 33, л. 9; ср. его подписи: Бел., стб. 16, л. 416 об., 417 об., 418 об.; Моск., стб. 40, л. 550 об. и др. В орфографии Л. Т. Филатова почти полностью отсутствует *ѣ*.

³⁸ Прик., стб. 11, л. 123 и др.; в 1629—1640 гг. с Ф. Д. Позняковым вел длительную тяжбу один из его соседей по поместью (Прик., стб. 113, л. 266—292).

³⁹ Прик., стб. 113, л. 274. — «О том, что местное население далеко не всегда обращалось к услугам писцов-профессионалов», сообщается в кн.: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие. . . , стр. 24.

Сказанное в меньшей степени относится к воеводским отпискам и челобитным, которые, будучи самыми разнообразными по содержанию, характеризуются лишь постоянством общей схемы построения документа и сохранением приказных оборотов-формул в обращении к адресату, поименовании корреспондента или просителя и в резюме по изложенному в грамоте делу (или сообщению). Остальные виды деловой документации содержат больше устойчивых формул, стеснявших отражение разговорного языка.

В качестве иллюстрации приведу одну из разновидностей поручных записей.

Документ начинается словами: *Се яз [Дакучай Хвирсав снъ Зовалишин] да яз* (такой-то) *да яз*. . . и т. д.; в письменности XVI—XVII вв. *яз* встречается только в формулах юридических документов, где этот вариант местоимения закреплен традицией⁴⁰. После перечисления имен поручителей вновь следует формула: *выручили есми у* (такого-то) или *поручились есми* (такому-то), причем перфект с вспомогательным глаголом, как и *яз*, в актовой письменности XVI—XVII вв. можно встретить только в аналогичных формулах⁴¹. После имен приставы и ответчика вновь следуют привычные обороты: . . . *в том стати ему* (такому-то) *за ншею порукою на Москве и объявиться в Розряде гсдрвым дьяком* (таким-то) *на срок* (такой-то) *по* (такому-то делу). *А не станет он* (такой-то) *за ншею порукою на Москве*. . . и т. д. (повторяется предыдущий текст), *и на нас на порутчиках пеня гсдря* (титул), *а пени что гсдрь укажет, и по гсдрве грамоте исцов иск. А кои нас порутчиков в лицех будет, и на том пеня и порука и по гсдрве грамоте исцов иск. А на то послуи*. . . Нередко называется лишь один свидетель⁴². «Оригинальная» часть поручной записи по существу

⁴⁰ Ср.: А. И. Соколов. Об языке и правописании в документах XVII века. — РФВ, 1891, стр. 125—126. — Вспомним зачин древнейшей грамоты — около 1130 г.: *Се азъ Мьстиславъ Володимиръ снъ*. . .

⁴¹ Например, в «выборах»: *выбрали есми*, в «купчих» грамотах: *продали есми* или *продали есмя* и т. д. (ср.: А. И. Соколов. Указ. соч., стр. 126). Вспомним формулу той же «Мстиславовой грамоты» XII в.: *повелѣлъ есмь сноу своему*. . .

⁴² Ср.: А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Изд. 4. М., 1907, стр. 196.

сводится к собственным именам и указанию на размеры иски и штрафа.

Обыкные речи, доездные памяти и др. документы также не составлялись произвольно: их первая часть — изложение предписания, на основании которого производился допрос или досмотр; а в «оригинальной» части находим повторение наказа в утвердительной или отрицательной форме. Поскольку наказания обычно присылались из Москвы, писцы повторявших эти наказания документов не могли не испытывать влияния языка московских приказов.

Так как в XVI—XVII вв. отсутствовала практика нумерации дел, изложение наказов было необходимо и в тех воеводских отписках, которые являлись ответами на распоряжения или запросы московских приказов.

Зависимость форм локальной документации от форм документации московской распространялась и на те случаи, когда возникала необходимость составить документы, связанные с нуждами местного делопроизводства. Так, после Смоленской войны правительство разрешило населению пограничных городов поездки за рубеж с целью выкупа пленных родственников. Это потребовало от местных канцелярий составления соответствующих справок и поручительств — документов для них новых, которые следовало хранить у местных должностных лиц (урядников). В связи с этим курский воевода П. Г. Ромодановский в одной из своих отписок напоминает, что указанные документы ему велено составлять в строгом соответствии с образцовой грамотой, «какова послана ко мнѣ холопу твоему из Посолскова приказу»⁴³.

Центральная администрация явно стремилась не допускать юридической «самодеятельности» на местах. Особенности отдельных видов документов с присущими им формулами не устанавливались стихийно, а сложились под пером московских приказных дьяков.

Привычка периферийных писцов следовать московским наказам и «образцовым грамотам» с точки зрения их общей формы способствовала распространению московского приказного языка, укреплению единых языковых норм деловой письменности во всей Московской Руси. Эти нормы, сложившиеся в московских приказах,

⁴³ Прик., стб. 91, л. 52—53.

одним из своих источников имели московское просторечие⁴⁴; вторым источником этих норм являлась письменная традиция, обнаруживающаяся в сохранении старых (традиционных) паписаний там, где в XVI—XVII вв. уже не могло быть соответствия между формами письменными и живыми, разговорными⁴⁵.

Общерусские нормы XVI—XVII вв. оформились как нормы орфографические, а их относительная устойчивость обуславливалась не теми «Грамматиками» и «Азбуковниками» конца XVI—начала XVII в., которые касались прежде всего языка книжного (церковнославянского), но не делового⁴⁶, а определялась устойчивостью форм приказной документации.

О том, насколько определились к началу XVII в. орфографические нормы деловой письменности, можно составить представление, сопоставляя материал приказных документов, написанных в разных районах Московской Руси. Так, в свое время А. И. Соколов, изучивший язык казанских и нижегородских актов, отметил, что в них

⁴⁴ Ср.: П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. М., 1953, стр., 75 и др.; Оп же. О начале и характере формирования русского национального языка, стр. 134.

⁴⁵ А. И. Соколов, познакомившись с орфографией казанских и нижегородских актов XVII в., приходит к выводу, что они отражают «тогдашний деловой, канцелярский язык, чисто русский, близкий к разговорному. Но книжные формы, остатки старины, нередко попадают. . .» (указ. соч., стр. 123). П. Я. Черных замечает, что в эпоху «Соборного уложения» при решении спорных вопросов орфографии «приходилось обращаться к авторитету. . . „нашея Великия Руси древних писцов“» («Язык Уложения». . ., стр. 76). В. В. Виноградов характеризует деловой язык Москвы, к концу XVI в. ставший «общим для всего обширного русского государства», как «унаследовавший древнерусские традиции, а также испытавший влияние со стороны соответствующих жанров новгородской письменности» («Вопросы образования русского национального литературного языка». — ВЯ, 1956, № 1, стр. 12). Относительно языковых норм этого периода В. В. Виноградов замечает, что они «замыкаются в узких пределах письменно-делового языка» (Там же, стр. 5).

⁴⁶ См. оценку «Грамматики» М. Смотрицкого с этой точки зрения: С. К. Бул и ч. Церковнославянские элементы в современном литературном и народном языке, I. СПб., 1893, стр. 403—406. — Ср. замечание С. И. Коткова о том, что для местных писцов XVII в. ориентация «на правописные образцы канонической литературы» сомнительна. «Более реальной была ориентация на законодательные акты и грамоты из Москвы. . .» (С. И. Котков. Южновеликорусское наречие. . ., стр. 112).

встречается «московское аканье»⁴⁷; и примерно ту же картину можно встретить в грамотах, написанных в самых различных областях страны. То же касается и употребления буквы *ѣ*, которая, даже обозначая ударенный гласный, нередко смешивается с *е*⁴⁸; причем *е* вместо *ѣ* можно встретить не только в памятниках территорий, где к XVII в. звук *ê* (или *ûe*) уже мог совпасть с *е*, но и в текстах, написанных, например, в Вологодском крае⁴⁹, где на месте *ѣ* и сейчас еще, как известно, произносится *ê* или *ûe*. В тех же вологодских рукописях почти не встречается смешения букв *ч* и *ц*; в положении перед глухими согласными и в конце слов обычно написание буквы *ѣ*, отражающее оглушение губно-зубного *в*. На всей территории Московской Руси в род. пад. прилагательных и местоимений можно встретить написание *-ого* и *-ово*⁵⁰; инфинитив может оканчиваться на *-ть* и на *-ти*⁵¹ и т. д.

Об известной устойчивости норм приказной письменности свидетельствуют и общерусские особенности скорописи. Так, в большинстве скорописных текстов конца XVI—XVII в. не различаются начертания букв *ѣ* и *ь*⁵²; стабильны правила употребления надстрочных букв, в частности вынос над строкой знака согласного,

⁴⁷ А. И. Соколов. Указ. соч., стр. 124.

⁴⁸ А. И. Соколов по этому поводу замечает, что «писцы XVII-го ст. не держались определенных правил в употреблении буквы *ѣ*, постоянно путая ее с *е*. Заметно, однако ж, что большею частью они писали букву *ѣ* в тех случаях, где на нее падало ударение» (указ. соч., стр. 123). Ср. ту же особенность в употреблении *ѣ* южновеликорусскими писцами (С. И. Котков. Южновеликорусское наречие. . ., стр. 36—37 и сл.; Г. А. Хабургаев. Заметки по исторической фонетике. . ., стр. 283 и сл., в частности стр. 288).

⁴⁹ Пользуюсь случаем выразить благодарность Л. Ф. Копсову за любезно предоставленные копии вологодских рукописей XVI—XVII вв. и разрешение использовать в настоящей статье результаты его еще не опубликованных наблюдений над языком вологодских приказных документов.

⁵⁰ См.: А. И. Соколов. Указ. соч., стр. 125; ср.: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие. . ., стр. 194—195.

⁵¹ См.: А. И. Соколов. Указ. соч., стр. 125; С. И. Котков. Южновеликорусское наречие. . ., стр. 204—206; то же в вологодских текстах XVI—XVII вв.

⁵² В этой связи вызывает удивление заявление, что памятники «делового характера XVI—XVII вв. курско-орловского происхождения» характеризуются «твердым *т* в третьем лице глаголов». См.: П. Я. Черных. О начале и характере формирования русского национального языка, стр. 140.

находившегося перед согласным, в том числе и перед не обозначенным на письме [j] ⁵³.

При относительной устойчивости общерусских орфографических норм в XVI—XVII вв. естественны были и случаи их нарушения местными писцами. И если в документах, составлявшихся по «образцовым грамотам» или в соответствии с наказами, нарушения норм в формах словоизменения не так часты ⁵⁴, то «ошибки», отражающие фонетические особенности составителей соответствующих документов, — явление обычное. Впрочем, число таких «ошибок», т. е. лингвистически обусловленных нарушений приказной орфографии, зависит от степени выучки («грамотности») писца; при этом можно заметить, что в актах канцелярий новозаселенных районов (на средней и нижней Волге, в Сибири) орфографические нормы выдерживаются последовательнее, чем в документах, созданных в районах старых великорусских поселений, особенно — на юго-западе Московской Руси.

Так, написания, отражающие аканье, в деловой письменности юга фиксируются значительно шире, чем в актах центральных районов, причем в южновеликорусских памятниках аканье отражается еще и косвенно (не только в написаниях типа *к вадѣ*, но и *в соду*) ⁵⁵, а также встречаются случаи отражения яканья ⁵⁶, чего, скажем, в мо-

⁵³ См.: Г. А. Хабургаев. Лексикологические заметки (из материалов для словаря древнерусского языка). «Уч. зап. МОПИ», 1963, т. 139, вып. 9, стр. 172, прим. 5; ср.: О. В. Творогов. О выносных буквах в русских рукописях XV—XVII вв. «Исследования источников по истории русского языка и письменности». М., 1966, стр. 164; см. также: Е. М. Сморгунова. О пограничных сигналах в скорописи (наблюдения над графикой смоленских грамот XVII в.). — Там же.

⁵⁴ Ср. замечание В. В. Виноградова о том, что «в XVI—XVII вв. в системе общенародного письменно-литературного языка выкристаллизовываются твердые грамматические признаки именного и глагольного словоизменения» (указ соч., стр. 13).

⁵⁵ См.: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие. . . , стр. 57; Г. А. Хабургаев. Заметки по исторической фонетике. . . , стр. 290. — Ср. замечание А. И. Соколова об орфографии казанских и нижегородских актов XVII в.: «Московское аканье встречается в официальных бумагах, но не часто. . . » (указ. соч., стр. 124).

⁵⁶ См.: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие. . . , стр. 63—69; Г. А. Хабургаев. Заметки по исторической фонетике. . . , стр. 299—300.

сковских приказных документах нет. В то же время в вологодских актах XVI—XVII вв., по наблюдениям Л. Ф. Копосова, вопреки традициям московской приказной письменности, буквы *а* и *о* как правило не смешиваются.

В южновеликорусских памятниках (за исключением тех, что созданы в районах, смежных с территорией распространения среднерусских говоров) отсутствует *ѣ* в конце русских слов и перед согласными; зато возможны написания типа *у своем*, *ноугородцы*, а буква *ѣ* здесь нередко встречается при передаче *х* или *хв* в славянских по происхождению словах (типа *уфатил*, *форост*)⁵⁷. Встречаются здесь и отсутствующие в московских памятниках написания, отражающие прогрессивное смягчение задненебных (типа *столкя*, *Ларкю*)⁵⁸.

Реже, как было сказано, отмечаются нарушения приказных норм при передаче форм словоизменения, хотя и они возможны в периферийной письменности⁵⁹; обычно в локальных памятниках и отражение местной лексики.

Чтобы дать представление о разнице в оформлении текстов середины XVII в., написанных в разных районах Московской Руси, и о степени отражения в них местных особенностей, приведу типичные грамоты из Вологды, Курска и Москвы, написанные примерно в одно и то же время.

1. Вкладная («данная») грамота вологжанина И. М. Лоскута, 1644 год:

Се яз старец Иона вологжанин Галактионовы пусты|ни
а в мирѣ был вологодскои розсылщик Иван Михаи|ловъ
сынъ прозвище Лоскут отдал есми ржства престые бцы
в Ферапонтовъ мнстръ вкладомъ | при игуменѣ Варламѣ
да при строителѣ старцѣ Ефрѣме з братею двор свои

⁵⁷ См.: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие. . . , стр. 90—91; Г. А. Хабургаев. К истории некоторых фонетических особенностей курских говоров. «Вопросы русского языка и методики его преподавания. Материалы научно-методической конференции кафедр русского языка педагогических институтов Курско-Воронежской зоны». Курск, 1960, стр. 60—61.

⁵⁸ См.: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие. . . , стр. 123—126 и сл.; Г. А. Хабургаев. К истории. . . , стр. 61.

⁵⁹ Южновеликорусские черты, нашедшие отражение в местных памятниках письменности, представлены в монографии: С. И. Котков. Южновеликорусское наречие. . . , см. стр. 142—224.

на даномъ бѣломъ | мѣсте з дворовою и огородною землею на Вологдѣ | на посаде за Золотухою рѣкою противъ Свирловы | башни а в межах около того моего двора и огорода | кругомъ дороги проѣжие а на томъ моемъ | дворѣ хоромъ изба да противъ избы сѣни рубленые да баня в север ход а житенка новая | двор с ворота огорожень заборомъ бревеннымъ | а огород капустной огорожен частоколомъ | а мѣрою того моего дворового мѣста | попереж по обрубѣ по улицѣ восемь саженъ | гсдрвых а в зади огорода по берегу Золотухи реки сорокъ двѣ сажени а вдоль от улицы от обрубѣ дворовые и огородные земли | до берегу Золотухи рѣки сорокъ саженъ гсдрвых | же и ржства престые бцы Ферапонтова | мнстря игумену Варламу и строителю старцу Ефрѣму | з братею или кто по них ины и игуменъ и строитель и брат | я будутъ тѣмъ моимъ дворомъ з дворовою и огородною землею | по сеи моеи данои волю владѣть и продать и заложит а тот мои двор з дворовою и с огородною землею | наперед сего иному никому не продан ни заложень | и в мнстры и къ церквамъ не отданъ и ни в какихъ крѣпостехъ | не подписанъ а кто учнетъ у нихъ в томъ мои двор и въ | дворовую и огородную землю вступатся с какими | крѣпостями нибудъ и мнѣ старцу Ионѣ тотъ свои двор з дворовою и огородною землею отъ всякихъ крѣпостей очищать начисто и убытка | имъ не учинитъ никоторого в томъ есми яз | старецъ Иона Ферапонтова мнстря игумену Варламу и строителю старцу Ефрѣму и всеи брате | на томъ свои двор з дворовою и с огородною землею и даную | дал а на то послуши Кирило Селезенева а даную писалъ вологод | цкою площадной подячей Ивашко Павловъ сынъ Аникиевъ | лѣта 7152 июля в 1 де.

На обороте подписи: «Къ сеи данои черной поп Саватей Галактионовъ пустыни вмѣсто сна своего | дхвнаго старца Ионы Лоскута по его велѣнью руку приложилъ»; а также подпись «послуха Кирилки»⁶⁰.

2. Собственноручная челобитная курского Никольского пона Емельяна, 1642 год:

Црю гдрю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьетъ челомъ бгомолецъ твой гсдрвь ис Курска Нико | льскаи пона Емельянища по твоему гсдрву ука | зу дано чюдотворцу Николе подъ городамъ у рекѣ | Семи

⁶⁰ ЦГАДА, Грамоты Коллегии экономии, № 198/2769.

грабленая полянка на свечи и на | ладан на всякое црковнае страеня как | И (так!) горад Курескъ стал и тою гсдрь грабленаю по | лянкою приежжаючи в Курескъ твои гсдрвы | воеводы владѣют своим насилствомъ лошед | ми талочат и сена на себя велят касит | а што у них аставаецца за их обиходам | и они отдают старонним людем для своеи | карысти а у чудотворца Николы апри | чно тае грабленые паляны даходцу | никакова нет свеч и ладану купит не | чим Млсрдыи гсдрь црвь и велики кнзь Михаило | Федорович всеа Руси пожалуи меня бгомо | льца своего не вели вперед своим гсдрвым воеводам тою црковною полянкою вла | дѣть и вели мнѣ дат свою гсдрву грамоту | чтобы вперед имъ не владѣт (так!) Црвь гсдрь сми | луся.

На обороте две пометы дьяка Разрядного приказа: «151-го генваря въ 21 де дат грамота»; конец второй дьячьей пометы, сделанной очень небрежно, трудно разобрать, хотя смысл ее ясен: «151-го генваря в 25 де учинит по. . .» (челобитью?)⁶¹.

3. В качестве образца московской грамоты приводится черновик ответа из приказа на челобитную попа Емельяна. Черновик составлен «писчиком» и содержит правку дьяка: некоторые фразы вычеркнуты (ниже вычеркнутое выделено разрядкой), а между строк предлагается, вероятно, иной вариант текста (к сожалению, неразобранный). Зачеркнутый текст, над которым написан новый, заключен ниже в прямые скобки. После переписки белой экземпляр был отослан в Курск.

Сопоставление ответа с челобитной ясно обнаруживает разницу в оформлении курского и московского документов (хотя последний и написан служащим низшей квалификации); ср.: *црковнае страен(ь)я*—*црковное строен(ь)е* и т. п.; *свеч*—*свѣч*, *сена*—*сѣна* и т. п.; *у рекѣ*—*у реки* и т. д.

От цря и великого кнзя Михаила Федо | ровича всеа Руси в Курескъ во | еводе ипему Ивану Филиповичю Стре | шневу бил нам челом ис Курска Нико | лской поць Омелян по | ипему | указу | дана чудотворцу Николу под го | родом у реки Семи грабленая по | лянкою на свечи и на лодон (так!) и на | всякое црковное строене с тѣх | мѣсть какъ город Курескъ устраен | и тою де грабленаю полян-

⁶¹ Бел., стб. 192, л. 304.

кою в Кур|ску прежние воеводы владѣли | своим насилст-
 вом лоше д ми то лоч и ли | и сѣно на себя косили
 а что | у них оставалос за обиходом |
 и они отдавали сторонним людям |[а кромѣ де
 тое полянки у цркви | Николы чю-
 дотворца иново | никакого дохо дцу
 нѣ т] свѣч | и ладону купит нѣ на что | и нам бы ево
 пожаловати | тою грабленою полянкою | впред воеводам
 владѣт не | велѣт и какъ к тебѣ ся нша | грамота придет
 а грабленая | полянка [будет дана] к цркви |
 Николы чудотворца и выпис у не|во попа Оме-
 ляна с писцовыхъ | кнгъ на ту грабле-
 ную полянку | есть и ты б [на той по-
 лянке про | свои обиход сѣна косит
 не ве | лѣл] и стороннимъ людям нико|му в наемъ
 не отдавал а ве | лѣл владѣт по выписи
 с кнгъ | Николскому попу Омеляну |
 а прочет сю ншу грамоту отдал | бы еси попу Омеляну
 для | иных прежних ншихъ воевод | Писан на Москвѣ
 лѣта 7151-го | генваря въ . . . де⁶².

Обзор особенностей локальной актовой письменности и условий ее функционирования позволяет утверждать, что русская историческая диалектология располагает существенным источником для реконструкции местных говоров минувших эпох (для юга — начиная с конца XVI в., для центральных и северных районов — начиная с более ранних периодов). Таким источником является местная деловая письменность.

Надежность реконструкции местного диалекта по его отражениям в периферийной актовой письменности обеспечивается тем, что документы, написанные *вологжанами, калужанами, ельчанами, курчанами* и т. д., могли отражать лишь черты соответственно вологодского, калужского, елецкого, курского и т. д. диалектов, поскольку в XVI—XVII вв. *вологжанами* или *курчанами* назывались уроженцы и постоянные жители Вологды или Курска. При этом свойственный писцу диалект без существенных различий должен был характеризовать речь как жителей уездного центра, так и сельского населения уезда⁶³.

⁶² Бел., стб. 192, л. 305—306; в черновике число не проставлено.

⁶³ С. И. Котков уже обратил внимание на то, что в XVI—XVII вв. *ельчанами* или *курчанами* именовались не только жители

Выводы об особенностях того или иного территориального диалекта XVI—XVII вв. могут быть вполне обоснованными, если обследованы разные виды локальной деловой письменности, изучен состав местных писцов и информация, извлеченная из «неподписанных» актов, сопоставлена с материалом источников, писцы которых исследователю достаточно хорошо известны.

Разумеется, сведения, извлеченные из письменных источников, должны быть прокорректированы современными диалектными данными.

городов, по «и жители соответствующих уездов» («Южновеликорусское наречие. . .», стр. 24).